

УДК 1(091)

ИСТОКИ ГЕНЕАЛОГИИ: ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЖИЛЬ ДЕЛЁЗ

А.Д. Чехаленков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2. 167

В статье рассматривается становление генеалогической стратегии постижения смыслового содержания культуры Ф. Ницше в перспективе интерпретации его наследия Ж. Делёзом. В свете прочтения Делёзом принципиальных моментов ницшеанского способа истолкования культурно-исторического процесса прослеживается генезис формирования неклассической интерпретации этой проблемы, сложившийся в полемике с идеями Просвещения и немецкой классической философии. Делёзианское видение Ницше позволяет, как показано в статье, обнаружить существенные характеристики основных этапов формирования его генеалогической стратегии. Предложенный им подход обнаруживает глубокие связи генеалогии культуры Ницше с его философской интерпретацией идей «воли к власти» и «вечного возвращения».

Ключевые слова: Ницше, Делёз, генеалогия, генеалогический метод, исторический анализ, диалектика, Античность.

Генеалогический метод анализа культуры, имплицитно присутствующий в философии Ницше, является реакцией на попытки создать универсалистские конструкции и метафизические основания хода истории развития культуры. Первичной, или ранней, генеалогией Ницше считается его философское размышление о началах античного мира и создание триады Аполлона, Диониса и Сократа, в которой он определил ключевые функциональные точки генеалогического взгляда. Это было первым проявлением, демонстрацией нового подхода к историческому прошлому и связи настоящего с минувшим. Ницше в этом плане оказался очень оригинален и продуктивен, развив начальные генеалогические попытки заглянуть в историю, применив свой взгляд на человеческий концепт истории вообще и на роль самого человека как субъекта постижения истории. Таким образом появились концепции, которые лейтмотивом проходят через всю ницшеанскую философию, – «ressentiment» и воля к власти как побудительные мотивы человека, связывающие воедино прошлое, настоящее и будущее, взаимосвязь этих временных категорий, влияние друг на друга и необходимость в сосуществовании. В данном тексте упор делается больше на первичную основу генеалогии Ницше, её проявление и на интерпретацию ницшеанского подхода Жилем Делёзом.

Одним из важнейших элементов ницшеанского восприятия истории и культуры как таковой является понятие «ценности» и их места в историческом процессе. Философ же должен рассматривать эти концепты критически, к чему ведет знаменитая «переоценка ценностей». В делёзианском прочтении ценности необходимо рассматривать с точки зрения их соотношения с собственными истоками – критический взгляд на ценности подразумевает под собой уже наличие какой-то ценности до себя самого, эта «проблема ценности ценностей» ведёт нас к следующей – проблема созидания ценностей [3, с. 34]. Генеалогия Ницше нацелена как раз на поиск истока и момента созидания ценности, для проведения «силовой линии», прослеживания тела ценности с предмомента её зарождения, через её путь, угасание, смерть, воскрешение и дальнейшее существование

до контемпорального момента изучающего субъекта. Изучающий субъект – исследователь, тот, кто со своей контемпоральной вершины смотрит вглубь истории, прослеживая генеалогические линии культурных явлений. Субъективность в этой парадигме очень важна и необходима, так как является неотъемлемой частью генеалогического процесса анализа. Тема своеобразной сопричастности истории и одновременно тенденции разрыва с ней характерна для платформы перспективизма, на базе которой рождается генеалогическая установка, являющаяся, по мнению многих современных интерпретаторов философии Ницше, вариантом созданной им герменевтики [1, с. 2]. Делёз видел Ницше как философа, который ведёт борьбу с двух сторон – с одной стороны, Ницше против тех, кто не допускает критики ценностей (Кант, Шопенгауэр), с другой – он же против и тех, кто критикует или устанавливает ценности с позиции объективных фактов, т. е. он против утилитаристов и «учёных» [3, с. 35]. Во втором случае проявляется та самая важность субъективности при генеалогии – ницшеанская перспективистская эпистемология являет собой субъективное «unmasking» явления [8, р. 366], при этом учитывая, что и маска, и то, что под ней, являются частью игры. Эта позиция отходит от традиционной герменевтики, которая снимает маску за маской, отбрасывая их в поиске «начала», а также противопоставляет себя метафизическому утверждению ценностей Канта и Гегеля.

Триада Аполлон – Дионис – Сократ

Одна из ранних версий ницшеанской генеалогии состояла из рассмотрения эстетико-философских начал древнегреческого мира и дихотомии первого уровня Аполлон – Дионис, которая позже эволюционировала в дихотомию второго уровня, Дионис на стороне человеческого трагического противостоял сократическому миру идей [6]. Именно эту, вторую оппозицию Делёз считает «настоящей» в его прочтении ницшеанской генеалогии и поиске ключей к ней [2].

Аполлоническое построено на привативной оппозиции. Это привычная нам модель логики, разума, чёткой разграниченной структуры. Логика Аристотеля – это аполлоническая логика с законами тождества, противоречия и исключённого третьего. Трёхфункциональное общество Платона также является полностью аполлоническим с этой точки зрения. Аполлоническими являются такие привычные для гомеровского грека вещи, как вечность и олимпийские патриархальные божества. По Ницше, в Аполлоне греки видели гармонию, порядок, солнечную модель мира, которая оберегает человека от страдания и хаоса.

Дионис – это уже более диалектическая модель, мистическая и хаотическая, с совершенно иной логикой. Дионисийство основано на природной цикличности, на возвращении к началу, в противовес вечности Аполлона. Ницше видел в аполлоническом порядке не оберег, а попытку сбежать от страданий и скорби этого мира. Дионис интерпретируется как дикий, оргийный и безумный, подобный варвару. Он разрывает иллюзию аполлонического порядка, тем самым показывая настоящую, единственную истину жизни. Аполлоническая вечность явления уступает своё место хаосу и безумию Диониса, благодаря которому в человеке просыпается нечто Сверхприродное.

Первоначально кажется, что это действительно противостояние, однако Делёз видит решение трагического именно в синтезе Аполлона и Диониса. Аполлон и Дионис предстают генеалогическими понятиями, суть которых – решение одной проблемы двумя путями. Настоящим же противником трагического является линия Сократа (рис. 1). Из этого и возникает триада – смерть трагического от рук диалектики Сократа. Сократовская линия представляет собой антитезу и Аполлону, и Дионису. «Между тем как у всех продуктивных людей инстинкт представляет утвердительную и творческую силу, а сознание – силу критическую и отрицающую, у Сократа инстинкт становится критическим, а сознание – творющим», «Сократ – первый гений декаданса: идею он

противопоставляет жизни, он судит жизнь на основании идеи, он полагает жизнь как нечто, обязанное быть судимым, оправданным и искупленным идеей. На этом основании он требует от нас проникнуться ощущением того, что жизни, раздавленной тяжестью негативного, не стоит желать ради нее самой, что как таковую ее не стоит претерпевать. Сократ – это “теоретический” человек, единственный подлинный противник человека трагического» [3, с. 56].

Рис. 1. Ницшеанская триада.

В этой триаде Ницше делает попытку решения проблемы созидания ценностей – Диониса в «Рождении трагедии» [6] он преподносит как Диониса утверждающего. Именно дионисова сила созидает ценности, утверждает жизнь, вопреки её решению. Это он показывает при генеалогическом поиске начал «морали». В античности своим рождением «мораль» была обязана аристократам, «мораль» – детище аристократизма. Таким образом, получается, что именно человек, обладающий определёнными качествами, дионисийским духом, способен созидать и утверждать ценности: человек постольку созидает ценности, поскольку в нём проявляет себя Дионис утверждающий. Этот контраст между генеалогией и метафизическим утверждением, между критикой и объективностью ярко выражен при сравнении философии этики, нравственности и эстетики у Ницше и Канта.

Следующий и не менее значимый контраст мы наблюдаем в развитии ницшеанской концепции до критики христианства и диалектики. До этого мы рассматривали лишь греческий мир, но «дионисийское не всегда греческое». Делёз понимал это, как никто другой, и важнейшим этапом развития генеалогии он выделяет сравнения христианских ценностей и диалектики Нового времени с ницшеанским подходом. С одной стороны, для него фигуры Диониса утверждающего и Христа похожи, они ведь оба страдают, но страдают по-разному, а следовательно, имеют полностью противоположные смыслы – Дионис утверждает страдание, оправдывая его жизнью, Христос, в свою очередь, отрицает жизнь, уничтожая её страданием. Последователь Христа уходит от трагического, отрицает его, вместе с этим отрицая и жизнь. Для Ницше это означало умножение пустого страдания, он это назвал итериоризацией страдания, что подчёркивает Делёз. Христианские ценности – отрицание ценностей, то есть тот самый христианский нигилизм. Трагическое погибает второй раз.

Термин «диалектика» Сократа был не случайно употреблён Делёзом при рассмотрении античной триады. Для Делёза в этом плане история циклична, и трагическое вместе с Дионисом утверждающим погибает в третий раз – от рук гегельянской «христианской» диалектики. В делёзианском понимании философии Ницше «почему

Ницше не Гегель?» – принципиальнейший вопрос, а противопоставление Диониса Ницше всей диалектике – нерв этой проблемы. В истории уже были случаи, когда диалектическая интерпретация ницшеанского наследия имела место и даже приобретала определённый успех. Речь о антиковедах первой половины XX в. Вальтере Фридрихе Отто и его ученике Карле Керензи, благодаря которым свет увидел такие труды, как «Дионис. Миф и культ», «Аполлон. Ветер, дух и бог», «Дионис: прообраз неиссякаемой жизни» и т. д. Главным образом речь идёт о диалектической интерпретации Диониса Вальтером Отто, на что Делёз даже возглашает: «Нет ничего более далекого от ницшевской интерпретации Диониса, нежели интерпретация, впоследствии предложенная Отто: гегельянский, диалектический Дионис, Дионис-диалектик!» [3, с. 62]. Современные исследователи также отмечают тот факт, что для Делёза одной из первостепенных задач является отделение Ницше от Гегеля: «Главный пафос данного знакового для Делёза (и Фуко) произведения [речь о «Ницше и философия»] – это критика философской диалектики Гегеля с её концептами тождества и противоречия» [7, с. 31].

Для поиска ответа Делёза на вопрос о разнице между подходом Ницше и диалектикой необходимо перейти от античных ключей к генеалогии и их проявлению при анализе истории к непосредственно применению генеалогии, к тому, что означает быть генеалогом-Гесиодом. Делёз начинает с того, что провозглашает всю философию симптоматологией и семиологией, так как невозможно найти смысл в самой вещи (термин «вещь» для него тождественен «феномену» в данном случае), без учёта силы, воздействующей на неё. Для него ницшеанский феномен является неким симптомом или знаком, который обладает наличием смысла только тогда, когда его актуализирует действующая сила. Так он ставит разделы, отделяя ницшеанский генеалогический вариант познания от двух других основных концепций: в метафизике есть дуализм видимости и сущности, в науке – отношение причины и следствия, у Ницше – корреляция феномена и смысла [3, с. 37]. Это отделение очень важно и ведёт нас к следующей ключевой точке – ницшеанскому пониманию исторического процесса и роли генеалогии. Признавая то, что смысл актуализируется силой, Делёз выводит, повторяя за Ницше, следующее утверждение: «история любой вещи предстает как последовательность сил, этой вещью овладевающих, а также – как сосуществование сил, борющихся за обладание ею» [3, с. 38]. Такое виденье предполагает множественность, что весьма органично для Делёза, и он, подчёркивая это, называет плюрализм истинной философией. Однако это только одна сторона монеты. Генеалогия для Делёза занимается не только прослеживанием влияния сил извне и рассмотрением актуализированных этим влиянием смыслов, то есть не только интерпретацией, у неё есть и другая задача. Эту задачу Делёз обозначает как «оценивание». Что это значит? Это значит, что мы не отказываемся от того, что на феномены воздействуют силы и рождают этим смыслы, но при этом мы перестаём воспринимать эти самые феномены как «инертные объекты», которые пассивно только и ждут, чтобы на них что-то как-то повлияло и «оплодотворило» смыслом. *Феномены тоже обладают силой, являются её неким воплощением, какой бы они ни были.* Это нас ведёт к тому, что сила рассматривается Делёзом не как единое, а как множественное (вот он, плюрализм), что позволяет ему сделать дальнейший шаг и связать с генеалогическим подходом одно из главных понятий философии Ницше – «волю к власти» [4]. Благодаря множественному пониманию силы – силы, влияющей извне, и силы самого феномена – Делёз получает такое ницшеанское понятие силы, в котором сила требует соотношения с другой силой, что Делёз и называет волей к власти. Эта воля в его понимании является тем самым «различающим элементом» силы.

Теперь стоит вернуться к проблеме противостояния диалектике. Делёз рассуждает, что для того, чтобы назвать что-то диалектикой, нам недостаточно лишь взаимосвязи одного элемента с другим, в данном случае одной силы с другой. Суть диалектики

сосредоточена больше в роли «негативного» в этом взаимоотношении. Ницшевский подход к множеству сил ведёт нас к плюрализму, истинной философии, так как в нём нет именно «негативного» воздействия одной силы на другую, нет «негативного элемента сущности, вместо которого Ницше как раз предлагает различающий элемент, который даёт возможность проявиться генеалогии.

Помимо частных концепций, их развёртывания в истории и перекрёстного сравнения, необходимо сказать несколько слов и об общем взгляде на исторический процесс Ницше и соотношении его текста с анализом генеалогии Делёза.

В одном из фундаментальных для понимания генеалогии как метода тексте – «О пользе и вреде истории для жизни» [5] – Ницше обосновывает генеалогический взгляд на постижение исторического опыта человеком. Он выделяет три рода истории, их тройную сопричастность к ныне живущему и те вызовы и препятствия, которые встретит человек, постигая и используя историю тем или иным образом. Эта концепция трёх родов истории и трёх способов её постижения также является ключом к пониманию генеалогии в делёзианском прочтении ницшеанской философии как таковой, т. к. Делёз атрибутировал генеалогии три компонента, которые чётко просматриваются в трёх родах истории Ницше.

Первый род истории – монументальный. Такой историей пользуются деятельные и созидающие люди, которые черпают вдохновение из великого прошлого для создания великих настоящего и будущего. Главное препятствие на пути этих людей – современники, которые канонизируют великое в истории, утверждая, что всё великое уже было создано до, а следовательно, нет смысла что-либо созидать, черпая вдохновение в монументальной истории. Преодолением этой преграды Ницше видел в необходимости убежденного начала деятельных людей, которое можно отнести к концепции «вечного возвращения». Оно заключается в том, что человек, способный к великому, должен подходить к великому историческому прошлому как к тому, что «было, во всяком случае, хоть раз возможно, и что поэтому оно может стать возможным когда-нибудь еще раз». Это «возвращение великого прошлого» и должно быть опорной точкой для начала созидания великого будущего, которое создаётся хоть и с оглядкой на прошлое, но не в морфологическом сопоставлении с ним. Этим Ницше оставляет те «индивидуальные и разнообразные углы и грани», которые не могут и не должны быть срезаны в проявлении исторических явлений. Такая интерпретация разрешает конфликт противоречия между генеалогическим методом и концепцией «циркуляции» в истории.

Что касается проблематики самого генеалогического метода постижения истории, то в монументальном роде истории и его сопричастности к вдохновению великих деятелей современности содержится уже вышеописанная проблематика созидания ценностей как таковых. Делёз утверждал необходимую важность в генеалогии именно истока ценностей, «ценности ценностей». Именно эту сторону генеалогии мы видим в монументальном взгляде на историческое прошлое у Ницше.

Второй род истории – антикварный. Этим родом истории пользуются люди, которые хранят прошлое, которое так или иначе определило их настоящее, «кто с верностью и любовью обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть». Например, это люди, которые изучают и хранят историю родного края, города, своего рода, династии или поместья, дабы «пустить корни» вглубь истории и закорениться в настоящем, стать устойчивее, определив себя, через исторический опыт былого. Этот взгляд на историю Ницше связывает с *различением* того протяжённого исторического опыта, который, словно силовые линии, проходит к современности из глубин истории. Одним из главных принципов генеалогии он провозглашает различение в отдалённом, а не в близком. То есть различия проявляются на дистанции, а не в момент создания ценностей, а люди с антикварным подходом к истории приобщаются

к умению различать исторические явления в настоящем. Делёз в понимании различающего элемента пошёл гораздо дальше. Он, как и Ницше, говорит, что генеалогия исследует не только момент создания ценности, но и различение и дистанцию, которая есть в источнике, больше того, он называет их: «суть в следующем: высокое и низкое, благородное и подлое – не ценности; они представляют собой различающий элемент, а уже из него выводится ценность самих ценностей». Этим он разграничивает рождающиеся ценности и ценность самих источников. Ведя речь о неких нерождающихся, а лишь проявляющихся различительных элементах, он говорит о генеалогии: «Да, ценности рождает Дионис, но и у Диониса есть ценность». Таким образом, генеалогия заключается не только в исследовании источника, но и в исследовании тех различительных элементов, которые в источнике содержатся.

Последний род истории, по Ницше, – критический, ибо «всё, что было рождено, уже достойно смерти». Человек критический должен обладать способностью уничтожать ценности прошедшего, чтобы дать место будущему. Он является такой же активной силой, как и человек монументального взгляда на историю, с той лишь разницей, что он действует противоположным способом. Делёз также рассматривает критику в ницшеанской генеалогии как «акцию», а не как «реакцию». Критика в его интерпретации ницшеанской генеалогии как раз и заключается в различительном элементе, благодаря этому Ницше, по словам Делёза, удерживается между двух полюсов, критикуя и тех, кто критикует ценности с позиции плоской объективности, и тех, кто отказывается критиковать ценности.

Выделив три компонента генеалогии Ницше, как их видел Делёз, мы подошли к определению генеалогии как таковой на основе этих компонентов. Делёз говорит о генеалогии как о новшестве Ницше, которое противостоит «судье» Канта и «механику» утилитаристов. Делёз предлагает рассматривать философа-генеалoga как Гесиода, который анализирует исторический опыт через призму генеалогической необходимости ценности источника и источник ценности, проводя через них созидательную силу и критикующее «позитивное» действие. Как пишет сам Делёз, «с такой концепцией генеалогии Ницше связывал большие ожидания – ожидания новой организации наук, новой организации философии, определения ценностей будущего» [3, с. 37].

Для философии Делёза такой взгляд также имел огромное значение. Его рассмотрение ницшеанских генеалогических основ, а позднее и привлечение генеалогии к концепции воли к власти, которую он считал важнейшей, безусловно, повлияло и на ход собственных философских построений Делёза, к примеру, это проявляется в антифрейдистских совместных работах с Феликсом Гваттари, где большое внимание уделено генеалогической связи человеческих «драйвов» и их влиянию на современность. Так же современными исследователями отмечается, что заслуга интерпретаций Делёза ницшеанской генеалогии состоит ещё и в том, что он вывел её на новый, более позитивный уровень. Критический характер ницшеанской философии, в частности, и генеалогии, очевиден, но именно Делёз сделал акцент не только на критический характер ницшеанского генеалогического метода, но и на его созидательную ценность.

В данном тексте рассматривалась концепция к построению генеалогии культуры Ницше в перспективе его анализа Жилем Делёзом. Показаны внутренние имманентные ресурсы и эволюция генеалогических представлений Ницше, анализируется их характер в свете концепции прочтения Делёза. Генеалогия изучена в её философском потенциале сообразно эволюции воззрения Ницше. Концепция генеалогии культуры Ницше соотнесена с аналитикой его взглядов «вечного возвращения» Жилия Делёза.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Ф. Ницше: перспективизм и опыт постижения истории // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2020. № 1. С. 267–283.
2. Делёз Ж. Ницше. СПб.: Аксиома, Кольна, 1997. 186 с.
3. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
5. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 158–230.
6. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–158.
7. Ирицян Г.Э. Культурологический посыл идей Ф. Ницше и Ж. Делеза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 30–34.
8. Babich V. Friedrich Nietzsche // A Companion to Hermeneutics / ed. by N. Keane and Ch. Lawn. Malden; Oxford: John Wiley & Sons, Inc., 1915. P. 366–377.

ORIGINS OF GENEALOGY: FRIEDRICH NIETZSCHE AND GILLES DELEUZE

A.D. Chekhalenkov

Tver State University, Tver

The article examines the formation of the Nietzschean genealogical strategy for comprehending the meaningful content of culture in the Deleuzian perspective of interpreting his legacy. In the light of the Deleuzian reading of the fundamental points of the Nietzschean way of interpreting the cultural-historical process, the genesis of the formation of a non-classical interpretation of this problem, which developed in the polemic with the ideas of the Enlightenment and German classical philosophy, is traced. The Deleuzian vision of Nietzsche allows, as revealed in the article, to discover the essential characteristics of the main stages of the formation of his genealogical strategy. The approach proposed by him reveals deep connections between the Nietzschean genealogy of culture and his philosophical interpretation of the ideas of «will to power» and «eternal return».

Keywords: *Nietzsche, Deleuze, genealogy, genealogy method, historical analysis, dialectics, antiquity.*

Об авторе:

ЧЕХАЛЕНКОВ Алексей Дмитриевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г.Тверь, Россия. E-mail: rinjinbuu@gmail.com

Author information:

CHEKHALENKOV Alexey Dmitrievich – PhD student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, Tver, Russia. E-mail: rinjinbuu@gmail.com